

Н. Г. Аристова. Они позволили заострить внимание на значение «семейного» фактора в становлении династии промышленников. См.: *Козлова Н. В.* Гость, дьяк, металлостроитель Кузьма Семенович Борин и его потомки: к вопросу об устойчивости пром. династий в России петров. времени // *Российская история.* 2014. № 4. С. 112–125.

³⁶ Годы жизни Н. Г. Аристова не известны. По сведениям Н. Б. Голиковой, упоминающей о нем как о состоявшем в Гостиной сотне относятся к 1686–1713 гг. (см.: *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... С. 156).

И. Н. Юркин

ТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКИНФИЯ НИКИТИЧА ДЕМИДОВА В ДОНОСАХ В КОМИССИЮ СЛЕДСТВИЯ О ПАРТИКУЛЯРНЫХ ЗАВОДАХ (1733–1736 гг.)

В 1733 г. императрица Анна Иоанновна приняла решение о проведении масштабной компании по проверке правильности внесения налогов российскими металлостроителями. Проверяющих интересовало, в какой степени фактические налоговые поступления от владельцев горно-металлургических заводов соответствуют суммам, которые с них следовало получать по действующим законам. Необходимо пояснить, что с момента издания в 1719 г. Берг-привилегии сведения об объекте налогообложения (сколько и какого металла выплавлено) сообщали сами заводчики. Заявительный характер позволял искажать отчетность в сторону уменьшения налогооблагаемой базы. Некоторые из заводчиков, возможно, этим пользовались. Для проведения проверки была создана специальная комиссия во главе с П. П. Шафировым, получившая название Комиссии следствия о партикулярных заводах. Источниками информации для нее служили документы госучреждений (в частности, Берг-коллегии), материалы, привезенные посланными на места специальными представителями Комиссии, и поступавшие в нее доносы. В данной промышленной отрасли крупнейшими в России являлись в то время промышленные хозяйства двух братьев Демидовых — Акинфия и Никиты Никитичей. Входившие в них заводы находились преимущественно на Урале (у первого) и в центре Европейской части России (у второго). В поступавших на Демидовых доносах и в документах, связанных с их расследованием, содержится богатая информация, касающаяся как производства металла (ее в данной статье не касаемся), так и его реализации, т. е. торговли.

Наиболее интересны сведения о торговле демидовским металлом, присутствующие в доносе Алексея Игнатьева (поповского сына, некоторое время служившего у А. Н. Демидова приказчиком в Москве¹), и в том делопроизводстве, которое этот донос породил.

Заранее оговоримся, что материалы, связанные с доносом Игнатъева, не дает полной картины торговой деятельности А. Н. Демидова. Мы вполне осознаем, что для ее более или менее сбалансированной характеристики требуются неизмеримо более разнообразные и обширные источники. Во-первых, Игнатъев всех деталей этой картины не представлял; во-вторых, многое было ему известно в неполном и искаженном виде; в-третьих, из известного он доносил только о том, что, в его понимании, можно было интерпретировать как нарушение закона. Тем не менее, его донос весьма интересен — кое-что Игнатъев все-таки знал и некоторые скользкие места заметил. Представляет интерес то, как Демидов пытался обойти возникшие трудности. Наконец, интересна, а иногда *замечательно* интересна, оценка аргументов Игнатъева и Демидова, данная Комиссией.

Итак, посмотрим, в чем же из того, что касается торговли и уплаты связанных с ней налогов, обвинял Демидова его приказчик.

Относящиеся к Демидовым доносы отправившийся в Тулу представитель Комиссии Василий Васильев стал получать вскоре после приезда туда осенью 1733 г. Тогда же служивший в провинциальной канцелярии подъячий Яков Самсонов сообщил об известном ему весьма информированном лице — некоем Алексее Игнатъеве, который, по его словам, «может многую интересную утайку знать за Демидовым и за прикащиками его»². С учетом факта службы этого человека в аппарате управления демидовским хозяйством, подсказка выглядела убедительно.

В начале 1734 г. Игнатъев был уже в Петербурге, в Комиссии. 22 января он подал в нее донос, в котором указал на «некоторое ея императорского величества интереса похищение», обвинив в нем Акинфия Демидова, его доверенных помощников шурина Семена Пальцова и зятя Федора Володимерова, тульских приказчиков Тимофея Полосатова, Осипа Акулова, Ивана Переславцова, московского первой гильдии купца Петра Матвеева, серпуховского откупщика Григория Кишкина. 1 февраля глава Комиссии приказал начать расследование по этому доносу в Москве М. Шафирову (тот работал в Московской конторе Комиссии), в Туле — Васильеву, а также послать запрос в Рижскую таможенную о торговавшем там железом Пальцове. До завершения проверки Игнатъеву запретили покидать Петербург, то же — находившимся в столице Акинфию и его зятю. Последним предстояло стать в назначенный час «к ответствию», доносителю — «к доказательству»³.

Уведомленный об этом Игнатъев на пятый день исчез. 14 февраля П. Шафиров распорядился искать его в Петербурге, Москве, Туле, ответчиков же из столицы пока не отпускать⁴. Между тем Демидов как раз собирался уезжать на свои сибирские заводы, причем имел на это предписание — именной указ. 7 марта он напомнил Комиссии, что поставляет в казну военные припасы и корабельное железо, и предрек: если он не посетит заводы,

«не токмо, чтоб те припасы были отправлены, но и в состоянии заводов произойдет наивящее разорение». 12 марта Шафиров приказал «на время» отпустить Демидова при условии, что тот оставит поверенного ⁵.

В ожидании Игнатьева Комиссия разбирала другие вопросы. Завершая их разработку, она представляла свое мнение о них на апробацию императрице. Та выносила решения (или одобряла уже выработанные), причем, чем дальше, тем они становились для Демидова все более благоприятными. Однако по пунктам Игнатьева дело не двигалось. Доноситель отсутствовал и доказывать обвинения было некому. Но и отмахнуться от них было невозможно — слишком они были серьезными.

Комиссию поторапливали, она спешила. Несмотря на это, документ, содержащий заключение по доносу Игнатьева, был утвержден в ней только 28 июля 1736 г. ⁶ Он имеет название «О взносе при доношении мнения и при том для рассмотрения экстракта дворянина Акинфея Демидова о бывшем ево прикащике Алексее Игнатеве за ложное ево доношение и наведение неправого подозрения оному Демидову и другим купцам и о учинении ему наказания» ⁷. Затронутые в нем вопросы, имеющие отношение к торговле (и шире — к операциям в сфере обмена), можно разбить на три группы. Первая — о ценах, по которым Акинфий реализовывал свою продукцию казне и на вольном рынке (пп. 1–5 ⁸), вторая — о уплачиваемой им торговой пошлине (пп. 6–8, 10), третья — об организации торговой деятельности (пп. 7–9 и в некоторой степени другие).

Важнейший вопрос — цены, по которым Демидов поставлял свою продукцию в казну. Игнатьев заявил (пункт 1 мнения), что Тульский завод «пожалован» Никите Демидову за обещанную им «убавку» цен против цен заводчиков Меллеров вдвое. Акинфий спорил и Комиссия с ним согласилась: цены «за некоторые припасы и весьма ниже тех цен».

Верхотурские (т. е. Невьянские) заводы, писал доноситель (пункт 2), за такие же его уступки в ценах пожалованы Никите «безденежно», однако цену предприятия велено взять в казну припасами, «сметя по тем же ево, Никитиным, ценам» (т. е. по ценам пониженным). И в этом случае правым Комиссия признала Акинфия.

Игнатьев доносил (пункт 3) о якобы завышенных ценах на поставляемую Демидовым картечь, которая за пожалование сибирских заводов тоже должна была поставляться недорого. Выяснилось, что в старых указах цена на некоторые ее сорта установлена не была, и что, получив заказ на них, Демидов просил составить особый договор.

Еще один вид продукции, цены на которую, по утверждению Игнатьева (пункт 4), были завышены — кровельное железо. Кроме того, добываясь подряда на поставку такого железа для Цейхгауза, Акинфий, будто бы, сулил взятку ответственному лицу. Заводчик, объяснения которого Комиссию

удовлетворили, утверждал, что все делалось по договорам и цены были с уступкою. Кроме того, у других заводчиков (у Нарышкиных и Меллеров) железо хуже по качеству и «на покрывание негодно»⁹.

Важный пункт обвинений Игнатьева касался демидовской меди. Игнатьев писал (пункт 5), что у Никиты Демидова (отца Акинфия) существовал договор с сибирским губернатором князем М. П. Гагариным, согласно которому заводчик брался ставить медь на монетные дворы по цене 3 руб. за пуд. Акинфий обещание не исполняет: на денежный двор по 1732 г. ни одного пуда не поставил, «а в народ де продает высокою ценою» — по 8–9 руб., в посуде и того дороже — до 12 руб. Хотя бы и был у комиссара с Гагариным договор, рассудила Комиссия, медеплавильных заводов у Демидовых до 1722 г. не было. Когда они появились, Берг-коллегия определила, и куда его медь принимать, и учитывающую реальные расходы цену. Тот факт, что Демидов получал за свою медь «с некоторым умеренным и прибытком», Комиссия в вину ему не поставила — все происходило «по указным ему определенным ценам». Более того: признала, что «доноситель о том доносил, знатно не справясь и не ведая вышеозначенных указов без основания (а наипаче видно, что по какой страсти и на него, Демидова, по злобе)»¹⁰.

Следующее обвинение касалось важнейшего для Комиссии вопроса о пошлинах. Игнатьев утверждал (пункт 6), что Демидов почти не платит пошлин с продажи продукции (меди, железа, припасов) своих сибирских и тульских заводов, а также на протяжении многих лет не доплачивает десятину (основной для металлургов налог, начислявшийся от объема производства) с томских (т. е. Кольвано-Воскресенских) заводов. Обоиими вопросами Комиссия занималась независимо от подсказки Игнатьева («и о том о всем следствие уже произведено не по ево доношению, но прежде того за немалое время по именному... указу») и добилась немалых успехов. «И что по тому следствию и по рассмотрению во учрежденной Комиссии явилось в неплатеже десятины и пошлин, о том мнению той Комиссии некоторые уже поданы ея императорскому величеству, а и достальные ныне вносятся в доклад». Донос Игнатьева был признан неосновательным по сути («о том он доносил, не справясь»), необоснованно порочил невинных («тем ему, Демидову, наводил подозрение») и обременял ответственных лиц («...и Комиссии затруднение напрасное»)¹¹.

В очередном пункте (7-м) Игнатьев указал на уловку, к которой Демидов прибегал в интересах родственников — зятя Володимерова и шурина Пальцова. Акинфий отдавал им железо для торговли через Петербургский и Рижский порты, разрешая продавать его дороже назначенной им цены и забирать разницу себе. Игнатьев усмотрел в этом неявную перепродажу продукции с уходом от обложения пошлинами. Акинфий возражал: «чтоб оные Палцов и Володимеров свое собственное железо где продавали и с каким

уменьшением пошлины платили, того он, доноситель, ничем не доказал». Комиссия согласилась: «того от него, Акинфия, в продажу, а им, Палцову и Володимерову, от него в покупку якобы беспошлинную... ни по чему причесть невозможно». Утайки пошлины нет, поскольку Демидов своих свойственников «тем награждает, а не продает, и то награждение состоит в его воли»¹².

Заметим, что в истории становления демидовского хозяйства имели место факты, когда более слабый промышленник пользовался возможностями другого, более сильного. Так, комиссар Демидов лишил младших сыновей доли в наследственной недвижимости, однако, время от времени позволял им пользоваться предоставленными ему привилегиями, чтобы поддержать их неокрепший бизнес. Помогал, например, приобретать на его имя землю, на которой дети строили заводы. Но в использовании этого приема можно было усмотреть нарушение, причем серьезное — уход от налогов. Не случайно Демидов и Комиссия доказывали не малозначительность события, а отсутствие самого его факта. Раз юридически оформленной внутрисемейной продажи не было, то и вопрос об этом снимался.

В пункте 8 изложены обвинения Игнатьева, касавшиеся незаконной (по его мнению) минимизации пошлины с партии железа, которую Пальцов отправлял к Рижскому порту в 1732 г. Игнатьев сообщал о фальшивой отпускной таможенной выписи, оформленной Володимеровым с участием заинтересованного им серпуховского откупщика, о взятке, обещанной в Риге обер-инспекторскому секретарю. Сам Акинфий по этому вопросу никаких разъяснений не дал, поскольку нечего было и давать — субъектом действия выступал Володимеров. (Впрочем, некоторые детали разъяснил в доношении поверенный Акинфия.) Комиссия, определяясь в своем отношении к этому обвинению, допросила Володимерова и собрала справки из учреждений. Заключение гласило: «по всем вышеозначенным обстоятельствам видно, что доноситель написал о том неправду без всякого основания и ничем не доказал. Что же поверенной Демидова объявляет, что от господина ево остаточное за отдачами в казну железо продают по силе вышеозначенных имянных данных ему, Демидову, указов без выписей, токмо с платежем надлежащих пошлин, и Комиссия рассуждает, что того ему, Демидову, в вину причитать не надлежит»¹³. Упущений в пошлинном сборе от такой продажи Комиссия не обнаружила.

Суть обвинений, которым посвящен пункт 9, осталась нам не ясной — настолько в Комиссии при их изложении сжали исходный материал. Впрочем, для темы статьи даже в таком виде он интересен тем, что упоминает о важном для становления промышленного хозяйства Демидовых направлении работы его основателей: о создании по городам (конкретно Игнатьев упоминает Нижний Новгород), через которые транспортировали товар, мест для его перегрузки и складирования. Эту большую работу вел отец Акинфия и он же в основном ее закончил, Акинфий только совершенствовал созданное им.

Рассуждения Комиссии по поводу этого пункта интересны демонстрацией хода мысли. Дворовые места заводчики, как выясняется, не получили, разбирать, следовательно, было нечего. В мнении говорилось: «Да хотя б ему, Демидову, оные дворовые места, тако ж и заводы... и подлинно были отданы, и о том доносить было на него нимало не пристойно, ибо он получил бы оное по указам, а не собою». Особенно хороша последняя фраза: «А наипаче без резонов и не в ползу казенную никогда такой отдачи было ему не учинено»¹⁴. Другими словами: а если бы получил — значит, было бы за что.

Выстрелив несколько раз прицельно, в 10 пункте Игнатьев зарядил ствол картечью: после конкретных обвинений высказал подозрения. Он заявил, что если опечатать домовые конторы Пальцова, Володимерова, Переславцова, Струговщикова и Кишкина, «явится обличение, и разнь паче ис того ясно покажется». Их опечатали, но обнаружилось, что там «кроме партикулярных их купеческих писем и векселей и крепостей никаких заводских о продаже железа и меди, и о платеже пошлин писем, и записок, и заводских щетов» в наличии нет. Сколько их ни читали, ни на кого «подозрения накакова не явилось»¹⁵. Бумаги вернули владельцам.

Разобравшись с содержанием доноса, Комиссия высказала мнение и по поводу Игнатьева — о его «откровениях» и поведении. Ему припомнили всё. Что, в бытность в Туле Васильева, он жаловался ему на Демидова, избегая и прямого контакта со следователем и письменной фиксации сказанного. Что после того, как получил прямое указание подать доношение «письменно за рукою», «не подав онаго, более в Туле не явился». Что, наконец, подав доношение в Петербурге, в Комиссии, с началом следствия, «знатно ведая свою неправду и что по тому своему неосновательному и ложному доношению ничего подлинно доказать не может, в кратком времени... скрылся». Что его долго искали в столицах и Туле и т. д. и т. п. Сославшись на подходящие места Уложения и инструкции фискалам, Комиссия рассудила: «донositелю Алексею Игнатьеву за оное ево ложное доношение, которым он не токмо ему, Акинфию Демидову, напрасное наводил подозрение, но и другим многим посторонним купецким людям по тому ево доношению отбиранием и печатанием писем в домах их учинена немалая турбация, и за оной неосновательной ево донос, когда оной сыскан будет, надлежит ему учинить наказанье такое, какову подлежали те, на кого он доносил, ежели бы оныя от него были обличены»¹⁶.

Человек, обрекший чиновников на большую, и, как оказалось, напрасную работу, возбуждал у них острую неприязнь. Но значит ли это, что все его обвинения были совершенно безосновательными?

Выскажем некоторые замечания и размышления по поводу прочитанного документа.

Источник, в силу своей краткости, дает довольно поверхностную, но в главных чертах довольно точную характеристику торговой деятельности Акинфия Никитича Демидова. Видим, что его промышленное хозяйство базируется на трех площадках: тульской, уральской (сибирские заводы) и алтайской (томские заводы). Основное внимание Игнатъев уделил первым двум, наибольшее — второй. Продукцию поглощает казна и свободный рынок. Конечными точками основных транспортных потоков являются Москва, Петербург, Рига. На этих путях существуют опорные пункты (упомянуты Нижний Новгород и Тверь), на которых продукция может выгружаться, временно храниться и при необходимости перенаправляться. Продукция, предназначенная казне, поступает в Москву и Петербург. Часть отправляется к Рижскому порту. Скорее всего, это собственное железо Акинфия, а не то, которое, получив от него, перепродает казна, хотя прямо об этом и не говорится. В Москве ответственным лицом Акинфия является старший сын Прокофий, в Петербурге — зять Федор Володимеров, линию на Ригу обслуживает шурин Семен Пальцов. Названы имена ряда других доверенных лиц, находящихся в столицах, Туле и Серпухове.

Такова общая картина, вполне совпадающая с той, которая давно восстановлена на основе других источников. Чем интересен этот — тем, что показывает основные пути оптимизации налогов, к которым мог прибегать Демидов. Ими являлись: манипулирование ценами, уход от некоторых торговых пошлин и недоплата десятины. О последней Игнатъев ничего конкретного сказать не может — сфера производства ему совершенно неизвестна, он был конторским работником. Уловки с ценами и приемы, позволявшие не платить лишние таможенные и торговые пошлины, были ему понятнее. Возникает естественный вопрос: то, в чем Игнатъев обвинял Демидова, — это реальная практика или продукт его, доносителя, умозаключений?

Утверждение о том, что цены Демидова были ниже цен его конкурентов, повторяется в литературе минимум два с половиной столетия¹⁷. Мы не намерены здесь его опровергать, хотя, вдумываясь в него, невольно задаешь вопрос, насколько такие цены были экономически обоснованы. В данном случае обратим внимание только на то, что в ситуации, когда перед специальным учреждением встал вопрос, соответствовали ли реальные цены тем, которые были согласованы между Демидовым и казной изначально, оно уверенно ответило: да, соответствовали. Прямого ответа на вопрос, были ли они ниже цен других заводчиков, источник не содержит, но он довольно очевиден, если учесть, что в официальных документах, закрепивших эти цены, сказано именно это — что они их ниже¹⁸. Может быть, и имеет смысл еще раз пересоставить и проанализировать сводку цен (хотя довольно подробная сравнительная таблица на этом счет по состоянию на 1702 г. приведена у Б. Б. Кафенгауза¹⁹). Но можно говорить уверенно: проверка вопроса, предпринятая в 1736 г., обмана в этом вопросе не выявила и госу-

дарство, имевшее тогда к Демидову немало претензий, материала для них в вопросе о ценах не нашло.

Другое дело — цены на продукцию, освоенную производством после первого этапа формирования договорных отношений. Тут все сложнее. Никита и Акинфий Демидовы шли теперь на ценовые уступки только в тех случаях, когда вопрос того стоил — как, например, с переводом на себя основной доли поставок для Адмиралтейства. Но за такого рода уступками, как правило, следовали вытребованные ими льготы, компенсировавшие не слишком привлекательные для производителя цены.

В целом приходится констатировать, что вопрос о демидовских ценах в торговле с казной не имеет простого ответа. В сложной системе демидовского хозяйства эти цены определялись далеко не только затратами и спросом, но также и другими факторами.

Что касается цен на металл, продававшийся на свободном рынке, то они определялись затратами и торговой конъюнктурой. Конечно, они отличались от цен, по которым такой же металл и припасы сдавались в казну. Конечно, когда это было возможно, Демидов и приказчики старались продать товар по рыночной цене и уж потом отдать его по казенному наряду. Но именно — когда это было возможно. Если бы Демидов систематически срывал казенные поставки, для его наказания не потребовалась бы многолетняя работа специализированной комиссии.

Ситуация с таможенными и торговыми пошлинами, регулировавшими фискальные отчисления от продажи Демидовым металла на рынке, относительно проще. Проще и вопрос: или Демидов платил по утвержденным тарифам, или он уходил от налогов. Комиссия ни одного случая нарушений такого рода, на которые указал доноситель, действительными нарушениями не признала. И это при том, что более ранние ее заключения по многим другим вопросам столь же благоприятными к Демидову отнюдь не были²⁰. Что перед нами? Невинность главного подозреваемого, установленная в результате объективной проверки? Эволюция ее (Комиссии) отношения к нему, отразившая соответствующую эволюцию отношения императрицы? Желание стереть в порошок незадачливого доносителя, доставившего ей столько хлопот? Первое сомнительно, второе возможно, третье несомненно. Взаимодействие влиявших на вывод факторов и в отношении пошлин привело к более чем устраивавшему Акинфия заключению: он был оправдан. Если остались хитрости, которые не обнаружили или, обнаружив, закрыли на них глаза, теперь к ним можно было прибегать вновь.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 271 (Берг-коллегия). Оп. 1. Кн. 781. Л. 198 об.

² Рожков В. И. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии // Горный журнал. 1885. Т. 2. № 5. С. 246, 247.

³РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 781. Л. 51–52 об.

⁴Там же. Л. 59, 56–56-а.

⁵Там же. Л. 59–60, 94–94 об.

⁶Там же. Л. 191–210.

⁷Там же. Л. 28.

⁸Указываемые ниже номера пунктов соответствуют нумерации не в самом доносе, а во «мнении» Комиссии.

⁹РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 781. Л. 190–193, 194 об., 197, 198–199 об.

¹⁰Там же. Л. 200–202.

¹¹Там же. Л. 202–202 об.

¹²Там же. Л. 202 об.–204.

¹³Там же. Л. 206 об.–207.

¹⁴Там же. Л. 207–207 об.

¹⁵Там же. Л. 207 об.–208 об.

¹⁶Там же. Л. 209–210 об.

¹⁷Из старых работ ограничимся ссылкой на И. Х. Гамеля, писавшего о данной Демидовым «значительной убавке в цене против того, как сии вещи ставились» с других заводов (*Гамель И. Х.* Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826. С. 31). По заключению Б. Б. Кафенгауза «демидовские цены на железо следует считать пониженными против цен Меллера и Нарышкина...» (*Кафенгауз Б. Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: Опыт исслед. по истории урал. металлургии. Т. 1. М.; Л., 1949. С. 93).

¹⁸В указе от 4 марта 1702 г. о передаче Демидову Верхотурских железных заводов: «... и ставить ему... в... казну... воинские припасы, пушки, мартиры, бомбы, гранаты... по тем вышепоименованным ево Никитиным ценам перед иноземскими с убавкою...» (цит. по: *Кафенгауз Б. Б.* История хозяйства Демидовых... С. 93).

¹⁹Там же. С. 92.

²⁰См., например, ее экстракт со мнениями, поданный Кабинету 15 апреля 1735 г. (изложен в: *Рожков В. И.* Берг-компания... С. 249–252).

А. Н. Торопов

ЭКСПОРТ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ ЗАВОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЯКОВЛЕВЫХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.

Во второй половине XVIII в. на Урале появляется новый частновладельческий комплекс Саввы Яковлева, в который вошли в основном чугуноплавильные и железоделательные заводы. Это заводское хозяйство было создано путем приобретения предприятий у различных владельцев и строительства новых. Яковлев, добившийся успехов в разных областях предпринимательской деятельности, сумел проявить себя и в области уральской металлургической промышленности. К концу жизни он стал владельцем крупнейшего на Урале хозяйства, состоящего из 22 заводов, из которых он сам построил пять